

ности менталитета своих зарубежных сверстников. Это особенно актуально в условиях расширяющихся межкультурных контактов.

Түйін

Мақала ағылшын тілдің жас сленга сарала-негізгі шарттың басын аш – арнаулы, на сленгизмов біт-ара тілде тұтпектеймін, школьниқов хабардарлығының байқауына туралы ара ағылшын тілде

жас сленга, сленга рөлінің сөзінің тегінің бастауларында ара мен жастастармен жанасушылық из бөлек-бөлек ел.

Conclusion

Slang, which makes extensive use of modern youth – a sort of protest against reality, against the typification and standardization, the majority of words relating to youth slang, are derived from the professional terms, almost all of which are borrowed from English.

ГАЗЕТА «АУЛ»: НАЧАЛО ПУТИ

Духин Я.К., Мухамбетова Д.В.

Мечта все равно когда-то становится явью. А мечта была, и подкреплялась она и жадной выразить себя, свои желания, и уже неотвратимым порядком вещей, и ходом событий, нуждающихся в осмыслении. Мечта подпитывалась неистовым желанием новой власти получить возможность давить на сознание народа и звать его к новым ориентирам жизни. И этой мечтой было создание газеты на казахском языке, с тем, чтобы оперативно и как можно шире осуществлять идеи революции и ее завоеваний, пропагандировать политические установки большевистской партии в массе коренного населения. Именно печать через слово дает оценку миропорядку в удобном властям осмыслении и возможность манипулировать обществом на понятном ему языке. Для молодой советской власти это была задача первостепенной важности.

Итак, мечта – получить газету, издание, доступное восприятию широкой местной средой, – близка была к осуществлению. Но прежде нужно было иметь грамотного читателя, способного воспринять печатное слово. А это было весьма проблематично – грамотность казахского населения как наследство прошлого оставалась на крайне низком уровне. Статистика – вещь беспощадная, она такова: к 20-м годам XX века грамотных среди казахов насчитывалось не более одного процента.

Как решалась проблема – предмет особого разговора, обратим внимание лишь на некоторые ее моменты. Власти отчетливо осознавали необходимость образовательного и культурного подъема населения, выравнивания уровня жизни и культуры в прошлом отсталой нации. Необходимо было в широких масштабах организовать работу по формированию национальных кадров, способных творчески приступить к созданию основ новой

жизни. Решить эту задачу можно было только лишь через активизацию культурно-просветительской работы. Острота вопроса была озвучена в статье ответственного редактора «Известий Кустанайского Губкома РКП(б)» Т. Дейнеги, опубликованной в сентябре 1922 г.: «...военных фронтов нет. Но это далеко не значит, что войны нет. Война идет скрытая, упорная, жестокая, война не на жизнь, а на смерть. На фронт идеологической борьбы мы должны выступить также вооруженными до зубов. Оружием должно явиться знание. На дело учебы мы должны выделить лучшие наши силы».¹ Вот здесь и возникали особые трудности – где взять грамотного учителя? Любой мало-мальски образованный человек на вес золота. Вот и на пленуме губкома прозвучало тревожное: «В ауле надо обратить внимание на мугалимов. В ауле каждый малограмотный киргиз уже считает себя чиновником: он – «писарь», значит – чиновник».²

Тревогу вызывало положение казахской школы. Она «находится в плачевном состоянии» из-за отсутствия помещений, учебных пособий, «достаточного количества учителей-мугалимов», положение которых несравнимо с положением русского учительства, оно просто «невыразимо тяжелое». Меры предпринимались решительные, и очередной пленум обратил особое внимание на учительство, предлагая «не гнать его, а поддерживать, как материально, так и морально, приблизить к себе», направить наиболее сознательную киргизскую молодежь на педагогическую учебу, «укомплектовать школы киргизами», обеспечить мугалима печатным словом, которое до него явно «не доходит». «В аульную школу, – писал в газету секретарь секции работников печати Н. Синдеев, – должны быть брошены в первую очередь все свободные средства. Больше всего

темный аул нуждается в просвещении». Третий Кустанайский съезд Советов признал необходимым «даже при настоящих трудных условиях открытие во всех киргизских волостях по одной школе по возможности с интернатами».

Остро стояла проблема положения казахского языка, вынуждавшая власти прибегать к экстренным мерам. В «Открытом письме всем секретарям укомов и волкомов РКП» предлагалось во все учебные заведения «вливать возможно большее количество киргиз, проявивших склонность учиться, тщательно разработать план преподавания киргизского языка и прочих предметов по-киргизски, подготовить наш волостной и сельский аппарат в киргизских местностях к переходу на родной язык, заставить известные группы русских работников научиться киргизскому языку. К перевыборам Советов надо добиться введения киргизского языка, по возможности, повсеместно».³ Предполагалось введение делопроизводства «на киргизском языке во всех киргизских, а также смешанных волостях...». Перевод делопроизводства на киргизский язык, отмечалось в докладе работника губкома В.А. Забирова, «является обязательным, но в то же время не должен носить резкий характер; в этой работе должна соблюдаться постепенность и планомерность».⁴ И в этой ситуации роль печатного органа рассматривалась как едва ли не ведущая и едва ли не определяющая.

Итак, газете необходим грамотный читатель, он готовился через школу – и о ней особая забота, читателю нужен учитель – и ему едва ли не основное внимание. Но главное, сама газета предназначалась быть не только читаемой, но и организующей все процессы сложной жизни, а потому ей нужна была языковая среда и поддержка.

О том, что казахское общество уже давно ощущало нужду в печатном слове, да еще и на родном языке, свидетельствуют исторические факты. Первые газеты на казахском языке появились в Оренбурге, Омске, Уральске, Ташкенте, Астрахани, Троицке и др. Особо популярными были омская «Дала уалаятынын газеті», журнал М. Сералина «Айкап», газета «Казах» и др. Вообще, газетные публикации волновали умы и были востребованы независимо от того, каков был язык печати. В свое время «Тургайская газета» обратила внимание на примечательное свидетельство: «Теперь он (*читатель – авторы*) чутко присматривается

к вестям, идущим из сердца России, до того не имевший даже понятия о газете – теперь он первого встречного расспрашивает о том, что пишут в газетах и как идет жизнь в стране. Интерес к текущим событиям возрос до того, что более или менее образованные киргизы стали выписывать сами русские газеты»⁵.

Начало, положенное первопроходцами казахского газетного слова, не было предано забвению, оно получило возрождение уже в условиях новой жизни, в советскую эпоху. Кустанайский читатель наконец получил свою газету. А ведь это не так-то и просто – издавать газету. Кроме желания нужно и нечто другое, не менее важное. Прежде всего, это техническая сторона, печатные возможности – типографские машины, шрифт, бумага, краска. Нужны, наконец, мастера полиграфии, журналисты и массовая корреспондентская среда. Взгляд в кустанайское прошлое 20-х годов обнаруживает наличие, хотя и ограниченных, условий, необходимых для более или менее сносного функционирования национальной газетной периодики.

Чтобы убедиться, насколько эти прошедшие годы были успешными для осуществления названной задачи, достаточно вспомнить обстановку тех лет.

Страна жила трудно, истекала кровью, голодала. «Т.т. крестьяне Кустанайского уезда, – обращался к населению уездный продовольственный комитет, – красноармейцы, рабочие голодают! Революционный голос голодающего красноармейца и рабочего обращается к Вам: «Везите хлеб, гоните скот, – спасение революции и революционных завоеваний зависит от вас самих». Население напрягалось и помогало. Все давалось и доставалось с преодолением не только объективных трудностей, но порой саботажа и набравшего силу бюрократизма.

Начнем с главного – для издания газеты нужен шрифт. Казахская письменность тогда еще не переведена была на латиницу (позднее – на кириллицу), использовались возможности арабского письма, кстати, слишком сложного, чтобы стать основой распространения массовой грамотности. Литеры арабского алфавита были в жесточайшем дефиците, Кустанай ими не располагал, их можно было получить, пользуясь благосклонностью типографий Оренбурга, Уфы или Казани.

Для любой типографии всегда основным являлся вопрос «Где достать бумагу?» Сегодня, в условиях насыщения рынка товаром, это не проблема, в описываемое время бумажный голод следует признать вещью неоспоримо реальной. Бумажные фонды находились на строжайшем учете. Когда держишь в руках издания тех лет, поражаешься неприглядности бумажной фактуры: грубая, серого цвета, с заметной примесью отходов. В этом можно убедиться, ознакомившись с сохранившимися в фондах государственного архива Кустанайской области экземплярами газет 20-х годов.

Что же касается типографской краски, то и здесь не все было благополучно – весьма сомнительное качество печати (тексты старых изданий порой трудно просматриваются) и тот же дефицит (были случаи приостановки издания). С большим трудом, проявляя предприимчивость, издавали каждый номер газеты. Но об этом несколько позже.

А теперь пройдемся по сути. И будто бы уже кое-что написано по поводу этой самой «суть», но остается нечто и недосказанное, а то и не совсем определенно ясное. Постараемся быть предельно корректными.

Суть такова. «Была нужна газета, нужна срочно, безотлагательно и превратить ее следовало «в киргизский культурный центр, – писал в «Открытом письме» секретарь губкома Л. Паперный, – сгруппировать вокруг нее все литературные и лекторские силы, помочь ей завоевать положение и авторитет, обрасти всякими культурными учреждениями: клубом, марксистским кружком и прочее».⁶

Идея ясна. Приступили к реализации. Что делает агитпропотдел губкома, курирующий местную печать? Первое: в апреле 1922 г. признает «необходимым выпустить на кирязыке газету под названием «Киргизская степь» два раза в месяц». Отлично, а как с типографией, способной организовать выпуск газеты на казахском языке? Своей, с набором арабского шрифта, в Кустанае не было. Обратились в Троицк. Результат нам не известен. По всей видимости, неутешительный. Пройдет некоторое время, и в мае агитпропотделом принимается постановление «О киргизской газете», где указывалось: «К сожалению, не удалось в течение месяца выпустить газету. Материалы для нее составлены. Предполагаем в июне ее выпустить под названием «Аул» в количестве 2000 экземпляров»⁷. В документе впервые упо-

минается название газеты, под которым она будет издаваться в последующие годы. Кстати, один немаловажный штрих: агитпропотдел рекомендовал всем печатным изданиям использовать «руководящий материал», каковым должны стать юбилейный номер газеты «Правда» от 5 мая и первый, второй номера журнала «Пролетарская революция».

Столкнувшись с проблемой невозможности выпуска газеты своими силами, решили прибегнуть к помощи Челябинска. Потребовались некоторые организационные меры: назначение редактором газеты Нурмухамедова из Федоровского района и создание редакционной коллегии в составе Нурмухамедова, А. Шафета (секретарь губкома РКП (б)) и Т.Е. Дейнеги (зав. агитотделом губкома). Все практические вопросы по выпуску газеты в Челябинске поручалось решать члену губисполкома Ж. Султанбекову.⁸

Челябинск встретил кустанайского посланца массой трудно разрешимых проблем. Они достаточно выразительно отражены в письме Челябинского губкома РКП(б) Кустанайскому губкому от 21 июня 1922 года, а потому приведем его полностью. Итак, сообщалось, «что с имеющимися шрифтами можно выпускать газеты не более четырех раз в месяц. Поэтому Вам ставятся следующие условия: выпускать киргизскую газету три (3) раза в месяц в размере четырех страниц, тиражом не более двух тысяч (2000) экземпляров, татарскую газету один (1) раз в месяц, в таком же размере, тираж в одну тысячу (1) экземпляров; все расходы, как типографские, а также бумажные и экспедиционные, покрываются Вами; в случае выпуска плакатов и прочих листовок киргизская газета будет выпускаться два (2) раза в месяц так, чтобы работа при выпуске татарской газеты не останавливалась»⁹.

А что же Жагипар Султанбеков? В госархиве Костанайской области имеется его отчет о переговорах с Губернским мусульманским бюро. Последнее предлагало уже знакомые нам условия. Контакты продолжались два дня, носили напряженный характер и ни к чему позитивному не привели. Ж. Султанбеков не согласился на челябинский вариант сотрудничества и известил телеграфно об этом Кустанай. В конце концов, не видя иного выхода, кустанайский делегат предложил челябинской стороне «общими силами выпустить 1 номер, а для дальнейших выпусков составить проект,

который им будет привезен в Губком.». Кустанай откликнулся на жесткие условия Челябинска весьма корректным посланием, в котором, однако, выразил решительное с ним несогласие. «Кустгубком, – писали кустанайские товарищи по партии, – к сожалению, не видит возможным принять эти условия ввиду их крайней обременительности... Неприемлемые требования Вами и типографские несовершенства побуждают нас обратиться в Уфу с предложением о выпуске нашей газеты. Сообщая Вам об этом, Кустгубком не может не выразить Вам свою коммунистическую благодарность за содействие выпуска первого номера нашей газеты»¹⁰. Цитируемый документ содержит важную информацию о возможном издании газеты в Уфе и о реальном выходе номера газеты в Челябинске. О печатании «Аула» в уфимской типографии ничего неизвестно, хотя факт кустанайско-уфимских контактов и намерений вполне установлен, а вот челябинский выпуск издания – факт достоверный, подтверждаемый многими свидетельствами. Во время подготовки номера к печати возникли проблемы с бумагой; привезенная Ж. Султанбековым оказалась нестандартной, что вынудило приобрести подходящую по расточительной стоимости. Дорого обошелся и наборщик, малопригодным был шрифт – старый и практически выработанный, да и того было явно недостаточно, что вынуждало набирать газету по частям.

Событие свершилось воскресным днем 25 июня 1922 г. – вышел в свет 1 номер газеты «Аул» («Ауыл»). И хотя в выходных данных указан кустанайский адрес редакции, фактически местом ее рождения следует считать г. Челябинск. «Удалось, – сообщалось в отчете Кустанайского Губагитотдела, – в Челябинске наконец выпустить давно ожидаемую газету «Аул» на киргизском языке. Отдел взял на себя инициативу подготовки киргизских наборщиков. Взят один мальчик киргизский на обучение». Существуют смутные предположения о том, что это был не единственный номер челябинского издания газеты.¹¹ Но это только предположения, не подтверждаемые какими-либо достоверными источниками и, главное, номерами газеты. Видимо, не совсем удачный челябинский выпуск и явился причиной временной приостановки издания.¹² Вот почему вовсе не странным кажется отсутствие каких-либо упоминаний об «Ауле» в партийно-совет-

ских изданиях и документах, тогда как о других газетах информация в изобилии. Потребуется не менее года для создания в Кустанае как собственных материальных возможностей и подготовки квалифицированных мастеров печатного дела, так и накопления столь необходимых источников финансирования для выпуска казахской газеты. С этого момента вопрос о ней вновь стал предметом особой заботы и обсуждений в различных инстанциях.

Необходимо внести некоторую ясность и вернуться к эпизодам челябинского издания. Для работы над газетой создали редакционную коллегию в составе Нурмухаметова, А. Шафета и Т. Дейнеги. Некоторые исследователи данный факт просто игнорируют и приписывают заслугу издания М. Сералину. Наиболее выпукло данная тенденция проявилась у такого серьезного ученого, каковым является С.З. Зиманов. «Получив официальное назначение на пост председателя Чубарского волисполкома, – пишет исследователь, – параллельно М. Сералин включился в подготовительную работу по изданию первой советской газеты в г. Кустанае. Он наладил связи в Челябинске с типографиями, которые печатали татарские издания, сформировал небольшой актив будущей газеты из числа образованной казахской молодежи. Благодаря его усилиям уже весной 1922 г. вышел первый номер газеты под названием «Аул» в Челябинске».¹³

Несомненно, М. Сералин – величина, и величина в становлении кустанайской журналистики значимая, об этом речь позже. Но зачем же так небрежно обращаться с фактами? Взять хотя бы его мифические связи в Челябинске, формирование некоего актива из образованной казахской молодежи и, что особенно впечатляет, – подготовка выхода первого номера «уже весной 1922 г.», – все это явно не согласуется с реальным ходом событий. Очевидно, поверхностное владение фактами и желание придать еще больший вес одному из видных представителей казахской интеллигенции привело к смещению событий. М. Сералин действительно стоял у истоков газеты, но газеты позднего времени, он был одним из ее редакторов, и редакционный коллектив ему приходилось создавать, все это было, но повторимся – гораздо позднее. И Челябинск здесь вовсе даже не причем.

Итак, пришло время новой газеты. Но вот вопрос – с чего начать? Ответ напрашивал-

ся простой – требовалось создание организующего центра, редакции. При этом нельзя упускать из виду, что предполагаемая газета на казахском языке – это орган партийного руководства, а потому и решались все вопросы по ее функционированию Кустанайским губернским комитетом РКП(б) и губернским исполнительным комитетом. Трудно сейчас судить о компетентности этих организаций в вопросах о печати, возникают некоторые сомнения в профессионализме некоторых из должностных лиц, если принять во внимание их недостаточно высокий общеобразовательный уровень. Но то, что партийно-советские органы осознавали необходимость создания газеты, свидетельствует о понимании ими задач текущего момента и общественных настроений.

Вернемся к вопросу о редакции. Уже через год после выпуска челябинского пробного номера газеты «Аул» 14 июля 1923 г. на заседании бюро Кустанайского губернского комитета РКП(б) по докладу Л. Паперного на тему «О Киргизской газете» принимается постановление: «1. Редакционную коллегия Киргизской газеты составить из 3 лиц: Сералина, Забирова и Иралина. 2. Ответственным редактором утвердить тов. Сералина. 3. Штат газеты утвердить следующий: а) одного ответственного секретаря (тов. Майлина), б) одного корректора, в) одного конторщика, г) одного старшего наборщика (с возложением на него обязанности метранпажа), д) двух наборщиков, е) одного ученика к ним и одного рассыльного. Штат редакции относить за счет газеты, наборщиков за счет типографии». Название газеты оставлялось прежним – «Аул»¹⁴. Под редакцию решено было выделить специальное помещение и «общую контору» в количестве 3 комнат в здания Губоно.

Успех любой газеты определяется талантом и способностями редакционного состава. Был ли он таковым в «Ауле»? Посмотрим.

Назначенный ответственным редактором газеты М. Сералин 2 июля 1922 г. освобожден от обязанности председателя Чубарского волысполкома и секретаря Чубарской волостной ячейки «ввиду отзыва его» в Кустанай, где утвержден в должности заместителя председателя губисполкома. Не был ли этот перевод связан с подготовкой выпуска газеты уже на основе кустанайских возможностей? Не станем забывать, что М. Сералин – профессиональный журналист, имевший за плечами

опыт работы в редакциях нескольких журнальных и газетных изданий, а назначение его на столь высокую должность давало широкие полномочия в решении многих организационных проблем.

Позволим при этом, однако, сделать небольшое отступление: назначение заместителем председателя губисполкома на должность, несомненно, партийную кажется несколько странным применительно к М. Сералину, которому, по всей видимости, свойственны были некие колебательные политические движения, явно недопустимые в то время. Вступив в 1919 г. в ряды РКП(б), он в 1922 г. все еще был кандидатом в члены партии. Более того, оргбюро Кустанайского губкома в октябре того же года постановило «оставить тов. Сералина кандидатом РКП(б)», а месяцем позднее на заседании Кустанайской губернской контрольной комиссии он «уличен в религиозных убеждениях» (в чем он сам сознавался: «*Верую в существование Бога*» – авторы) и ему вновь будет продлен «кандидатский стаж до одного года со дня постановления» и рекомендовано «усвоить основу марксизма». Более того, внесено предложение и вовсе об исключении его из партийных рядов (резолуция секретаря губкома Шафета на анкете М. Сералина).¹⁵ Однако, видимо, очень уж нужным человеком был М. Сералин, а потому на многое закрывали глаза и вышеприведенным обстоятельствам решено не придавать особого значения.

Что касается второго представителя редакционной коллегии В.А. Забирова, то о нем сведения сохранились довольно скудные. Известно, что в начале 20-х годов он – ответственный работник губкома партии, летом 1923 г. был направлен в Троицк и Челябинск для приглашения наборщиков, занимался практической подготовкой выпуска уже кустанайского первого номера газеты. Интересно, что имя М. Сералина как редактора и выпускающего этого номера нигде не указано, и, видимо, не случайно газетой «Красная степь» В. Забиров объявляется главным редактором «Аула».¹⁶ Он назначен в состав переводческой комиссии при губисполкоме, созданной для «широкого разъяснения материалов XII съезда РКП(б) среди казахского населения». Для редакции В. Забиров являлся, несомненно, удачным приобретением, тем более, что он прекрасно разбирался в местной обстановке и проявил себя неплохим организатором и журна-

листом, весьма озабоченным состоянием печати и народного образования в крае.

А вот о последнем члене редколлегии газеты А.И. Ирралине имеются лишь общие сведения. Известно, что родился он в 1902 году, имел двухклассное образование и окончил педагогические курсы. С 1922 г. А. Ирралин член партии, с января следующего года являлся председателем уездного исполнительного комитета и членом губисполкома.

Не последняя роль в штате редакции принадлежала ответственному секретарю, которым назначили замечательного писателя и публициста Беймбета Майлина. Общеизвестность его имени и творчества освобождает авторов от подробной характеристики. Скажем только, что писатель активно включился в работу по созданию рабочей атмосферы в редакции, он нашел помещение, достал необходимые материалы и оборудование и вместе с другими членами редакции занимался подготовкой оформления и содержанием газеты.¹⁷

А забот у редакции было множество, и не столько творческих, сколько организационно-материальных. Это, прежде всего, приобретение шрифта – проблема старая и болезненная. Она постоянно оставалась в поле зрения партийно-советских органов. Состоявшаяся в начале 1923 г. губпартконференция отмечала: «Для ведения печатной агитации среди киргиз необходимо принять меры к приобретению мусульманского шрифта и произвести массовые закупки литературы на киргизском языке».¹⁸ Подобную же озабоченность проявил губком и при составлении плана работы на май–июнь 1923 г., включив в него следующий пункт: «Во что бы то ни стало организовать издание киргизской газеты, командировать специальное лицо за шрифтом немедленно по окончании пленума».

Выход виделся в одном – обратиться с просьбой о покупке шрифта и полиграфического оборудования в Уфу, Казань и Оренбург, обладавшими необходимой материальной базой и производственным опытом по «мусульманскому» книгоиздательству. Осенью 1922 г. М. Сералину в Оренбурге удалось заручиться обещанием «в первую очередь прислать в Кустанай киргизского типографического шрифта для издания киргизской газеты».¹⁹ Подобные переговоры велись в Башкирии и Татарстане. Серьезную поддержку оказала Казань, предоставив летом 1923 г. кустанайским печатникам

около 20 пудов дефицитного «киргизского» шрифта.²⁰ Газета «Красная степь» 30 июня сообщила по этому случаю: «Долго ожидаемый киргизский шрифт, наконец, на днях в Кустанай прибывает. Через две недели будет выпущена 1-я киргизская газета».

С большими усилиями набирали газетные полосы «Аула», в течение трех–четырёх дней, главным образом из-за неопытности наборщиков. Атмосфера в типографии создавалась необычная. «С утра до вечера не прекращались посещения киргиз, прослышавших о своей газете и с нетерпением ожидавших выхода в свет ее первого номера, – сообщила газета «Красная степь». – Три товарища наборщика работали буквально в сплошном кольце «чающих»...». Наблюдались сцены коллективного корректирования гранок готового набора. Паломничество в типографию приняло столь оживленный характер, что администрация, «рискуя показаться невежливой», вынуждена была удалить из типографии всех, не имеющих отношения к выпуску газеты.²¹

Пытаясь объяснить столь неподдельный энтузиазм, сотрудник «Красной степи» Н. Романов отмечал: «Это «паломничество» не что иное, как показатель того, насколько назрела нужда в издании киргизской газеты в нашей губернии, насколько велик интерес к ней со стороны киргизского населения и насколько велико желание прочитать как можно скорее о том, о чем русские газеты пишут вот уже без малого шесть лет».

Еще накануне знаменательного события 25 августа бюро губкома «в целях улучшения работы по выпуску киргазеты «Аул» и подкрепления ее средствами» вынесло постановление: заключить с сотрудниками газеты коллективный договор, увеличить гонорарную ставку сотрудникам на 100% по сравнению со ставкой «Красной степи» и обязать все первичные киргизские кооперативные объединения иметь подписку на газету «Аул».²²

Итак, к осени 1923 г. необходимые условия для выпуска газеты «Аул» были практически созданы, и в субботу, 1 сентября 1923 г., в помещении типографии «Коммунар» в присутствии представителей партийных и административных органов, журналистов, наборщиков, сотрудников других газет состоялось торжество по случаю выхода первого номера газеты «Аул», изданного под редакторством В.А. Забирова. Событие прокомментировала

газета «Красная степь»: «...самая обстановка скромного торжества по поводу выхода первого номера: ничего такого, что напоминало бы то, что принято называть «вечером» (кое-кто был разочарован) и присутствие всех киргизских работников, даже тех, которые вообще ни на каких «вечерах» не бывают». В ответном слове на приветствия В. Забиров указал на то, «что редакция народившейся киргизской газеты вполне представляет себе предстоящие трудности в начинаемой работе по культурному и классовому просвещению киргизских трудящихся масс путем печатного дела».

Что представляет собой газета «Аул» на начальном пути становления? Сохранившиеся экземпляры демонстрируют весьма непритязательную фактуру, довольно простенький дизайн, в отдельных случаях слабо просматриваемый оттиск, при верстке первых номеров порой не доставало некоторых букв. Ситуация вполне понятная и объяснимая. Время расставило акценты, постепенно качественный уровень газеты достиг вполне respectable стандарта.

Все годы своего существования газета издавалась под пристальным вниманием губкома РКП(б) и губисполкома. Выходила она, за редким исключением, регулярно, два раза в неделю, первоначально тиражом в 500, а затем – в 2500 экземпляров (в январе 1925 г.). Если и были срывы в печатании газеты, то во многом они происходили «по причине бумажного кризиса» и ввиду «отсутствия работников печатного дела вообще, а в особенности киртоварищей».

Возникает резонный вопрос: «А был ли у газеты читатель, если да, то какова степень ее распространенности?» Та же анкета дает следующий ответ: «Коллективная подписка в городе отсутствовала, на долю деревни приходилась лишь одна. Индивидуальных подписчиков в городе насчитывалось 84, в деревне – 216, в порядке обязательной подписки на долю школ приходилось 150 экз., Губкома – 150 экз., в книжную палату – 25 экз., в ГП–5 экз.». Розничная продажа газеты как в городе, так и в деревне отсутствовала.²

Надо признать: не совсем радужная ситуация с распространением газеты порождалась вполне объективными причинами, среди которых и массовая неграмотность потребителя печатного слова, и практическое отсутствие рекламы и пропаганды вкупе с неумелыми ее

создателями, и трудности, а порой и халатность и разгильдяйство с доставкой газеты читателям (данные анкеты: «доставка газеты на места весьма не аккуратна, поступает номер через 10–15 дней», т.е. теряется интерес к материалам за давностью их публикаций и потерей актуальности). Имела значение и стоимость подписки (от 12,5 руб. до 13 руб. за месяц), весьма ощутимая для читателя газеты.

Все это тревожило как партийные органы, так и редакцию, заставляя предпринимать довольно радикальные меры по приданию газете авторитетного статуса и действенные средства по распространению «Аула». «Признавая огромное значение газеты «Аул» для киргизской бедноты, – писал в ноябре 1923 г. партийный орган, – как в смысле ее политического воспитания, так и в отношении вовлечения ее в советское строительство, постановили: 1. Принять активное участие в распространении газеты «Аул» среди киргизской бедноты через аульские и волостные ячейки. 2. Предложить отдельным членам РКП(б) и РКСМ выписывать газету «Аул». 3. Выдвинуть в каждой ячейке и аулисполкоме одного постоянного корреспондента для освещения жизни киргизской бедноты. 4. Использовать предстоящую кампанию конференций киргизской бедноты для подписки на газету и 5. Для этой же цели использовать всякого рода собрания»²⁴. Для набора подписчиков не упускали возможности традиционных кустанайских ярмарок, на которые приезжали жители отдаленных районов губернии. В поисках читателя и проведения пропагандистской работы «среди темных масс трудового киргизского народа» по уезду рассылались киргизы–коммунисты. Так, газета «Красная степь» сообщала, что Федоровский Уком «предложил всем отъезжающим на места ответственным работникам вести широкую агитацию среди киргизского населения за подписку на газету и производить сбор денег от подписчиков». Урицкий Уком, например, выделил даже корреспондента Карабекова для «освещения партийной, советской и профессиональной работы, а также работы среди киргизского населения в киргизской газете «Аул»».²⁵

Неграмотность большинства казахского населения, его смутные представления о печатном слове, непонимание того, «что газету можно печатать и на киргизском языке», требовали нетривиальных подходов. В этих обс-

тоятельствах роль газеты трудно было переоценить, на нее возлагалась значительная часть работы в пробуждении «киргизской бедноты к переустройству своего быта на культурных началах». С. Ужгин понимал задачу газеты в том, что «она пробудит мысль киргизского бедняка, поможет ему сплотиться против господства баев, укажет прямые пути к выходу из темноты, невежества и рабского подчинения суровой правде».²⁶ В данных словах не только призыв посредством газетного издания «к овладению идеологией пролетариата», но надежда реально помочь людям выжить в тяжелых реалиях того времени.

Главная озабоченность издателей – не только моральная, но и материальная база газеты «Аул». Каков выход? Его видели в создании «железного фонда» средств, «собранных среди передовых рядов киргизской интеллигенции путем добровольных пожертвований и поддержки газеты сотрудничеством» с рядовой читательской средой. Кустанайские газетчики были уверены, что «призывный набат «Аула» не умрет в беспредельных просторах киргизских степей».

Была ли интересна казахская газета читателю? Чем она могла его увлечь? Факты достоверные – газету читатель принял, она оказалась ему интересной, прежде всего вниманием к простым нуждам обитателей казахской (особенно!) степи. Уже беглый обзор публикуемых материалов подтверждает эту данность. Кстати, публикации «Аула» своим содержанием, постановкой проблем и характером их освещения практически мало чем отличались от материалов русскоязычной прессы. Удивляться здесь нечему, поскольку жизнь диктовала и ставила на разрешение вопросы, волновавшие деревенскую массу вне зависимости от ее национальной принадлежности. Не надо забывать, что «Аул» был трибуной партийно-советских органов, а потому и предоставлял свои страницы для публикации партийных постановлений, декретов и других официальных материалов и сообщений. Ради истины не будем забывать, что в период выхода первых номеров казахской газеты еще не существовало тотального нажима властей на печать.

Газета «Аул» – издание провинциальное, а потому основной публикуемый материал отражал местную специфику, давал читателю информацию на сельскохозяйственные темы, разъяснял политику государства, выявлял

накал классовых противоречий, помогал утверждению норм трудовой, культурной и нравственной жизни. Газету тревожили детская беспризорность, проблемы школьного строительства, трудности переустройства хозяйственной жизни. Газета часто освещала вопросы культурного развития, разъясняла особенности национально-государственного и социалистического строительства в степном крае, давала оценки историко-революционных событий. Ведь многие вопросы, поднимаемые «Аулом», просто не доходили до сознания основной казахской массы, они требовали своего разъяснения, что с тем или иным успехом и выполняла газета.

Становлению авторитета «Аула» в небольшой степени способствовала редакционная и организационная работа опытных журналистов М. Сералина и Б. Майлина. Они хорошо были осведомлены о жизни местного населения, почти в каждом номере выступали со статьями и заметками на злобу дня, фельетонами, обзорами текущих событий. М. Сералин внимательно следил за изменениями в общественной жизни и быте в казахских аулах, за преодолением разрухи и голода. Все это находило отражение в публикациях «Аула». В годы сотрудничества с газетой Б. Майлин, например, пишет стихи и поэмы, интересные рассказы и повести. Об особой важности его работы в редакции свидетельствует следующий факт. Когда Киробком РКП(б) решил откомандировать его в свое распоряжение, бюро Кустанайского губкома не согласилось с этим намерением и обратилось с просьбой «оставить тов. Майлина на работе в Кустанайской губернии» как весьма ценного и необходимого работника печатного дела.²⁷

В составе газеты удалось собрать талантливых казахских сотрудников, способствовавших в разные годы процветанию издания: С. Мауленова, С. Карпыкова, К. Тогузакова, Х. Узденбаева, Ж. Еленова, Г. Жумабаева, М. Джаксалыкова, Мустафина и др. Большой удачей для «Аула» явилось привлечение к работе опытного наборщика из Казани Сабир Муратова, о котором газета «Степной крестьянин» писала: «Он работал, отдавая все силы, какие у него только были».

С самого начала газета испытывала острую нужду в местном материале: по сведениям «Анкет о печати» (ноябрь 1923 г.), «рабкор» газета не имеет, «крекор» – все-

го лишь пять. На первых порах обходились редакционными силами, лишь позднее стали появляться сообщения с мест от аульных корреспондентов, что делало газету более живой и понятной низовому читателю, формировало новую нравственную атмосферу, «завоевывая широкие трудящиеся массы степей»²⁸.

Нами обозначены лишь первые начальные шаги газеты «Аул». Ее значимое будущее впереди, а пока шел процесс становления, профессиональный рост национальной журналистики, определялись пути развития. Пройдут годы, и восприимчива одного из лучших изданий Казахстана газета «Костанай таны» по праву станет продолжателем идей и деяний первопроходцев казахстанского печатного слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Дейнега Т. Политико-воспитательная работа среди членов городских парторганизаций в зимний период // Известия Кустанайского Губкома РКП(б). Кустанай, 1922. № 12. С.16.
- 2 Известия... 1924. № 22.
- 3 Там же, 1923. № 17. С.4.
- 4 Там же, 1923. № 19. С. 62.
- 5 Тургайская газета. Оренбург, 1896. №17/18.
- 6 Известия Кустанайского Губкома РКП(б). Кустанай, 1923. № 17. С.4.
- 7 ГАКО (Государственный архив Кустанайской области). Ф. 139. Оп. 1. Д. 306. Л. 4–а.
- 8 ГАКО. Ф.1414. Оп.с2. Д. 24. Л. 5.
- 9 Там же, л.7.
- 10 Там же, л.8.
- 11 Справочник журналиста Казахстана / Под ред. С.К. Козыбаева. – Алматы, 2002. – С. 20. Справочник журналиста Казахстана. – Алматы, 2011. – С.53.

- 12 ГАКО. Ф. 1414. Оп. 2. Д. 24. Л. 16.
- 13 Зиманов С.З., Идрисов К. Общественно-политические взгляды Мухамеджана Сералина. – Алма-Ата, 1989. – С. 152.
- 14 ГАКО. Ф. 1414. Оп. 2. Д. 24. Л. 10.
- 15 ГАКО. Ф. 1414. Оп. 3. Д. 145. Л. 5-6.
- 16 Красная степь. Кустанай, 1923. №50.
- 17 ГАКО. Ф. 1414. Оп. 3. Д. 99–а. Л. 5.
- 18 Степная газета. Кустанай, 1923. 23 февраля.
- 19 Степная заря. Кустанай, 1922. №108.
- 20 Зиманов С.З., Идрисов К. Указ соч. С. 153.
- 21 Красная степь, Кустанай, 1923. №92.
- 22 Красная степь, Кустанай, 1923. №94.
- 23 ГАКО. Ф. 1414. Оп. 3. Д.99–а. Л. 10.
- 24 Известия Кустанайского Губкома РКП(б). Кустанай, 1923. №19.
- 25 Красная степь, Кустанай, 1923. №97.
- 26 Красная степь. Кустанай, 1923. №92.
- 27 ГАКО. Ф. 1414. Оп. 3. Д. 99–а. Л. 20.
- 28 Степной крестьянин. Кустанай, 1924. 30 августа.

Түйін

Мақалада қазақ тіліндегі («Ауыл») Қостанай газетінің ХХ ғ. 20-шы жылдардағы құрылуы мен дамуының шарттары қарастырылады. Басылымның негізін қалаушылар мен редакторларына баға берілген, басылым үрдісінің қиыншылықтарына талдау жасалынып, аймақтың қазақ тұрғындары арасындағы мәдени және әлеуметтік-экономикалық өзгерістеріндегі «Ауыл» газетінің рөлі анықталған.

Conclusion

The article deals with the development ways and creation conditions of the Kostanay newspaper of the 20's in the XXth century in the Kazakh language ("Aul"). It gives the evaluations of the founders and editors of the edition, analyses the difficulties of the publishing operation and establishes the role of the "Aul" in socio-economic and cultural transformations among the Kazakh population of the area.

АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА

Кан Ж.И.

Понятие «социально-психологический климат» давно вошло в язык социальной психологии вместе с аналогичными понятиями, такими как «климат предприятия», «морально-психологический климат», «нравственная атмосфера», «психологический климат», «настрой», «атмосфера», «дух», «обстановка», «микроклимат», «ситуация», «экология группы»,

«социальная среда» и другие. Ольшанский В.Б. утверждал: «Человек может испытывать внутреннюю удовлетворенность и быть хорошим работником в одном коллективе и совершенно захиреть в другом» [1].

В отечественной социальной психологии впервые термин «психологический климат» использовал Н.С. Мансуров, который изучал